

А. И. Бастрыкин
Председатель Следственного комитета РФ,
заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук,
профессор

Об объективной истине в уголовном процессе

Философия права, как научная дисциплина исследует смысл и сущность права, его основания и место в мире, его ценность и значимость, роль в жизни человека, общества и государства, в судьбах народов и человечества.

Истина, о которой идет речь, имеет глубокое общественное звучание и соответствующим образом находит отклик у представителей различных сфер деятельности, в том числе в области уголовного процесса.

В уголовно-процессуальной сфере она, безусловно, носит прикладной характер и должна пониматься как цель, достижение которой обеспечивает справедливое решение по

делу, в том числе – обвинительный приговор лицу, виновному в совершении преступления.

Эта цель имеет прочные исторические корни. В Соборном уложении 1649 г., уже содержалось требование о том, что суд в Московском государстве будет вести расправу «в правду», иначе говоря, рассматривать судебные тяжбы с целью установления истины.

В «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» Петра I (1715 г.) судье вменялось «знать права и разуметь правду, ибо не разумеющий правды не может рассудить ее».

Перед Следственным комитетом Российской Федерации стоит ответственная задача по разработке мер государственной политики в сфере уголовного судопроизводства, которую мы реализуем, в том числе посредством участия в процессе совершенствования законодательства.

Один из вопросов, остро волнующих сегодня

наших граждан, – это проблема обеспечения **справедливого правосудия, объективного предварительного и судебного следствия.**

Тема эта не нова. Достаточно сказать, что уже в процессе судебно-правовой реформы 1860-х годов в Российской империи был чётко обозначен такой правовой институт, как установление судом истины по уголовному делу.

Устав Уголовного судопроизводства, наряду с другими уставами (Уставом гражданского судопроизводства, Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Учреждением судебных установлений), принятыми в 1864 году, вне всякого сомнения, является образцом отечественного законотворчества и правовой культуры.

Так, сравнивая Устав Уголовного судопроизводства 1864 года с соответствующими актами Европы, известный немецкий

правовед того времени Карл Миттермайер писал, что «он (устав) стоит выше даже многих новейших законодательных работ».

И действительно, в ходе этой великой реформы суд стал гласным и открытым. Появилась состязательность (но не как самоцель процесса, а как способ познания истины), при которой стороны получили равные права на предоставление и опровержение доказательств. Введено судебное следствие, на котором проверялись данные предварительного расследования. Судебная власть была полностью отделена от административной, а судебное следствие – от следствия полицейского и стало процессуально независимым. Судьи общих судов сделались несменяемыми, а мировые судьи – выборными. В ходе реформы кроме суда были реформированы прокуратура, нотариат, создано сословие присяжных

поверенных (адвокатура).

Но, самое главное - в той реформе был чётко обозначен такой важный правовой институт, как установление судом истины по уголовному делу.

Вот дословная цитата того, что говорится о введении в российское судопроизводство состязательных начал в книге «Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны»¹. «Начало судебного состязания сторон не исключает самодеятельности суда в уголовном судопроизводстве и не обязывает его решать дела только по тем данным, которые предъявлены сторонами, но требует единственно того, чтобы по всем сведениям, относящимся к делу, сторонам предоставлена была возможность судебного состязания. **Задача уголовного суда есть открытие в каждом деле**

¹ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1866, С.244.

безусловной истины. В стремлении к этой цели суд уголовный не может принимать в уважение желание сторон, – ни того, что сам подсудимый не хочет оправдывать свою невиновность, ни того, что сам обвинитель потворствует ему. Поэтому, если стороны не предъявили всех тех сведений, которые должны служить данными для основательного разрешения дела, то суд не может удовлетвориться одними их заявлениями, но обязан потребовать дополнительных сведений».

Как видно из этого фрагмента, основоположники судебной реформы 1864 года чётко понимали **состязательность не как самоцель процесса, а как вспомогательный инструмент познания объективной истины по делу.**

Эта цель и назначение уголовного процесса позже были увековечены изречением,

высеченным по личному указанию императора Александра II на здании Старого Арсенала (в нем располагался окружной суд) «Правда и милость да царствуют в судах».

Анатолий Фёдорович Кони в работе «Памяти Н.И. Стояновского» в связи с этим пишет: «В светлый весенний день... с горельефа, украшающего ворота Старого Арсенала на Литейном, спала завеса, и впервые заблестали слова «Правда и милость да царствуют в судах», слова, получавшие с этого дня возможность обратиться в дело».²

Именно с того времени в народном сознании укоренилось стремление «искать правду в суде».

И нам остается только сожалеть, что важнейшие идеи и ценности уголовного судопроизводства, определившие последующие правовые традиции не только российского, но

² Речь, посвященная памяти Н.И. Стояновского, 1901 год, Опись дел фонда А.Ф. Кони за 1880-1931 гг., / Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина

и европейского уголовного процесса, а также тот величайший опыт проведения реформы, который был передан нам её «отцами» в дошедших до нас изданиях, не был востребован составителями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 года.

За 20-летний период «работы» Кодекса принято порядка 300 федеральных законов (291), которыми внесено в него около 2 тысяч тех или иных дополнений и изменений (1 951).

Вместе с тем краеугольный камень в основание современного отечественного уголовного судопроизводства так и не положен. Речь идет о введении в уголовный процесс правового института объективной истины как цели доказывания.

Крайне досадно, что принятие кодекса, лишённого определения цели доказывания, стало попыткой отказаться от традиционных

ценностей в пользу чуждой нам англо-американской модели уголовного процесса путем механического ее насаждения в отечественную правовую систему.

В результате этого действующий УПК тяготеет к чистой состязательности, в которой суду отведена роль пассивного наблюдателя за противоборством сторон, где судья выносит приговор, основываясь на тех доказательствах, которые ему предоставлены, и, проще говоря, – в пользу той стороны, которая была на суде более убедительной.

В итоге, по большому счёту, истина в уголовном процессе оказалась на заднем плане - ведь закон не предписывает познавать ее и позволяет быстро разрешить спор между сторонами без ее установления.

Кстати, в уголовном процессе США широко применяются различного рода формальные

правила доказывания – презумпции, сделки с правосудием, в том числе в вопросах об оценке доказательств. Иными словами, то или иное обстоятельство может считаться для суда доказанным по соглашению сторон, без его проверки, даже в ущерб истине.

Сторонники подобной правовой идеологии состязательного процесса утверждают, что суд, ориентированный на инициативный сбор доказательств, невольно утратит объективность, встав на позицию какой-либо из сторон, как бы подыгрывая ей и нарушая баланс их равенства. В связи с этим утверждается, что концепция истины как ориентира в доказывании противоречит принципу состязательности. Отдельные учёные в пылу полемики даже утверждают, что истина в уголовном процессе – это порождение исключительно социалисти-

ческого правосознания, которое желало прикрыть ею обвинительные репрессии.

Однако, чем же плоха чистая состязательность закреплённая в американском Уголовно-процессуальном законодательстве? И почему она не подходит для нашего, российского процесса?

Дело в том, что справедливость правосудия в условиях такой состязательности может быть обеспечена только тогда, когда противоборствующие стороны (обвинения, защиты) изначально имеют равные возможности по собиранию доказательств и отстаиванию своей позиции в суде, то есть находятся в равной «весовой категории».

Но российский уголовный процесс на досудебных стадиях традиционно не является состязательным.

Здесь доминирующим субъектом доказывания выступает орган предварительного расследования (следователь, дознаватель). Таким образом, на стороне обвинения находится вся мощь следственных действий, носящих принудительный и оперативно-розыскной и поэтому часто негласный характер.

Сторона же защиты на этом этапе фактически обладает лишь возможностями заявить ходатайство о производстве следственного действия, представить документы, которые могут быть отклонены стороной обвинения, а также опросить (допросить) лицо с его согласия.

В итоге на стадии судебного разбирательства сторона обвинения изначально находится в более выгодном положении, чем сторона защиты, так как обладает всей полнотой изобличающих доказательств.

На деле мы имеем поединок неравных соперников в суде. Поэтому неудивительно, что в подавляющем большинстве случаев стороне защиты не удастся превзойти по аргументам обвинение, особенно, если подсудимый пользуется бесплатным защитником.

В отличие от этого в англо-американском процессе нет как такового предварительного расследования, а судопроизводство на всех стадиях проходит в состязательной форме в условиях сбалансированного равенства сторон.

Именно поэтому в уголовном процессе континентальной правовой системы, где традиционно представлено полноценное досудебное производство (предварительное расследование), предусмотрена система противовесов, при которой следователь является не обвинителем, а независимым исследователем,

а суд, разрешающий дело, обязан быть судом активным - в целях полного, объективного и всестороннего исследования всех имеющихся доказательств с главной целью - установления истины.

Эти позиции в том или ином виде заложены во все уголовные процессы стран континентального права. Так, статья 81 УПК Франции гласит, что «следственный судья производит в соответствии с законом любые следственные действия, которые он сочтет необходимыми для установления истины. Он расследует дело как в сторону обвинения, так и в сторону защиты».

§ 244 УПК ФРГ устанавливает, что «для выяснения истины суд должен по своей инициативе распространить исследование доказательств на все факты, имеющие значение для принятия решения».

* * *

В этом 2022 году мы торжественно отметили одиннадцатую годовщину создания новой федеральной структуры – Следственного комитета Российской Федерации.

С момента образования ведомства мы нацеливаем своих подчиненных на установление истины по уголовному делу.

Благодаря активному развитию наших следственных и криминалистических подразделений, оснащению Следственного комитета новейшим криминалистическим оборудованием в 2021 году раскрываемость убийств превысила уровень **95%** (95,4%), фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью со смертельным исходом – **98%**, а изнасилований – **99%**.

При этом в прошлом году раскрыто почти **7 тысяч (6 913)** преступлений по уголовным

делам, приостановленным в прошлые годы. Более половины (57%) из них составили тяжкие и особо тяжкие преступления (3 912), в том числе **768** убийств.

А всего за время работы ведомства более 11 лет наши следователи смогли раскрыть свыше **74 тысяч преступлений прошлых лет**, уголовные дела по которым были в свое время приостановлены.

За этот же период в суды передано **один миллион 107 тысяч 168** уголовных дел о преступлениях различных категорий в отношении **1 244 930** обвиняемых. При этом удельный вес оправданных судом лиц по делам Следственного комитета составляет не более **0,6%**). Потерпевшим от преступлений в ходе следствия возмещено **635 миллиардов** рублей. Кроме того, наложен арест на имущество обвиняемых на сумму **416 миллиардов** рублей.

В целом же в ходе упомянутой мной реформы следственных органов, организационное и функциональное разделение предварительного следствия и прокурорского надзора позволило как следователю, так и прокурору быть более **объективным и беспристрастным**.

Но окончательно уйти от обвинительного уклона позволит лишь шаг, о котором мы давно и настойчиво говорим – введение в уголовный процесс истины как ориентира доказывания для всех участников уголовного судопроизводства, государство через закон четко и однозначно поставит перед следователем, прокурором и судом задачу полно, объективно и всесторонне разобраться в произошедшем событии и принять все меры, направленные на отыскание истины.

Ведь цель уголовного судопроизводства для этих его участников, несмотря на различия их

функций в состязательном процессе, едина. Она сформулирована в статье 6 УПК РФ – это защита прав потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, назначения виновным справедливого наказания, отказ от уголовного преследования невиновных. А эта цель может быть достигнута только тогда, когда правовая оценка содеянного основывается на истинных данных о событии преступления и когда судьба человека не зависит от красноречия сторон, а судья обладает всем арсеналом правовых средств постановления справедливого приговора.

Это невозможно без выяснения фактических обстоятельств уголовного дела такими, какими они были в действительности, то есть установления по делу **объективной истины**. Ведь принятие итогового решения на основании недостоверных данных приводит к неправильной

уголовно-правовой оценке деяния, осуждению невинного или оправданию виновного.

Таким образом, ориентированность процесса доказывания по уголовному делу на достижение объективной истины является необходимым условием правильного разрешения уголовного дела и отправления справедливого правосудия.

Однако действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит требования о принятии публично-правовыми субъектами доказывания всех возможных мер, направленных на её отыскание.

В связи с этим мы предлагали ранее и вновь предлагаем сейчас возродить в уголовном судопроизводстве отечественные традиции истины, нашедшие свое воплощение в судебных преобразованиях 1860 года, о которых мы сказали в начале этой статьи.

В этой связи нельзя не отметить, что статья 613 Устава уголовного судопроизводства 1864 года, а также статья 257 УПК РСФСР 1922 года предписывали председательствующему в суде принимать меры и направлять ход дела к тому, чтобы была раскрыта истина.

Но наиболее последовательно и системно этот принцип был реализован в УПК РСФСР 1960 года, который установил полноту, объективность и всесторонность в качестве основного принципа уголовного судопроизводства.

При этом для восполнения неизвестных обстоятельств дела допускалось установление их не только прямыми, но и косвенными доказательствами, которые в своей совокупности также приводили к истинному знанию.

Традиционно в российском уголовном судопроизводстве суду отводилась активная роль

в доказывании. В целях обеспечения полноты, объективности и всесторонности УПК РСФСР позволял председательствующему собирать доказательства и устранять пробелы в доказательственной базе.

Анализ разработанной отечественными учёными доктрины объективной истины, которая легла в основу кодекса 1960 года, позволяет утверждать, что она не была оторвана от реальности.

Эта доктрина учитывала то обстоятельство, что уголовно-процессуальное исследование фактов преступного события объективно ограничено возможностями человеческого познания, опосредованным характером изучения преступления, которое является событием прошлого, свойствами следовой информации со временем видоизменяться и уничтожаться, а также многими иными факторами

объективного и субъективного характера.

При активном участии Следственного комитета в Государственную Думу депутатом Александром Ремезковым в январе 2014 года был внесен законопроект (№ 440058-6) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», который в июле 2018 года, к сожалению, был снят с рассмотрения.

В законопроекте предлагается модель **сбалансированной состязательности**, ориентирующая публично-правовых субъектов доказывания (не только суд, но и дознавателя, следователя и прокурора) на активную и беспристрастную роль в познании истины по делу.

Одним из элементов такой модели должно

было стать наделение судьи обязанностью проявлять активность в сборе доказательств при их недостаточности для обеспечения правильного разрешения дела на основе достоверных знаний. Это бы укрепило независимость судебной власти, так как позволило суду не связывать себя мнением сторон и выйти за пределы представленных ими доказательств по своему усмотрению.

Законопроект широко обсуждался в обществе. Многие его поддержали. Так, был получен положительный отзыв Верховного Суда Российской Федерации и позиция Следственного комитета совпала с позицией Верховного Суда.

Но есть и остаются оппоненты, которые считают, что эта предложенная нами инициатива – происки следственных органов, направленные на облегчение их работы.

Это совершенно ложное утверждение.

Следователи знают жизнь уголовного судопроизводства, что называется изнутри, поэтому хорошо видит его реальные недостатки. На самом деле обязанность принимать все меры к установлению действительных обстоятельств уголовного дела (то есть установление истины) только добавит забот следственным органам, но никак не упростит их деятельность. Процесс доказывания усложнится, но, тем не менее, мы ратуем за объективную истину, ее присутствие в уголовно-процессуальном законодательстве, так как полностью отвечает интересам наших граждан и их конституционному праву на объективный и справедливый приговор.

Следует особо отметить, что законопроект вызвал бурную реакцию прежде всего адвокатского сообщества, как, якобы, посягающий на конституционные принципы состязательности сторон, презумпцию

невиновности.

На самом деле законопроект нисколько не противоречит состязательности уголовного судопроизводства. Объясним почему.

Справедливость правосудия в России, как уже было отмечено, традиционно связывалась с истиной. Российские юристы всегда исходили из того, что невозможно вынести справедливый приговор, основываясь на недостоверных или неполных данных. Такой приговор, будет ущемлять либо права потерпевшего, либо права обвиняемого.

Наши предки исходили из того, что истина в уголовном процессе будет достигнута тогда, когда положительные или отрицательные ответы на вопросы об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, будут соответствовать тому, что имело место в действительности. В первом случае результатом этого будет обвинительный

приговор, а во втором – оправдательный. То же самое относится и к предварительному следствию.

Об этом ещё в 1886 году замечательно ёмко и очень образно выразился прокурор Московской судебной палаты, будущий генерал-прокурор и министр юстиции Николай Валерианович Муравьев: «следователь кладет фундамент, на котором стороны, обвинение и защита, возводят стены... Следователь в значительной степени держит в своих руках судьбу уголовной истины». И мы стараемся сделать так, чтобы этот фундамент был прочным.

Как уже отмечалось, своих следователей мы всегда нацеливаем на поиск истины. Но процессуальная обязанность поиска правды по уголовному делу должна быть и у суда, так как именно он обязан обеспечить справедливость

правосудия.

Думаю, ясно и то, что судебный приговор должен быть основан на полном, всестороннем и объективном исследовании всех обстоятельств совершённого деяния, а состязательность в данном случае может выступать необходимым подспорьем к этому.

В качестве цели доказывания истина определена, как я уже говорил, в уголовно-процессуальных кодексах Германии и Франции. В том или ином виде она присутствует в уголовно-процессуальных кодексах большинства стран СНГ (Армения, Белоруссия, Казахстан, Молдова, Грузия и другие).

Вместе с тем некоторые учёные говорят нам о том, что в условиях, когда органы предварительного следствия недоработали, представили неполные доказательства, суд не обязан устранять такие недоработки

предварительного следствия, а просто должен оправдать подсудимого. Именно в этом, по их мнению, и заключается принцип презумпции невиновности.

Полагаем, что такое понимание этого незыблемого принципа не соответствует ни нашей Конституции, ни нормам международного права.

Конституционный суд, определяя конституционно-правовой смысл выводов, сделанных на досудебной стадии уголовного судопроизводства, неоднократно отмечал, что они носят предварительный характер, а само досудебное производство призвано служить целям полного и объективного разбирательства дела в суде.

Поэтому суд должен исправить ошибки, допущенные на досудебной стадии. На возможность исправления следственных ошибок

в части квалификации содеянного по менее тяжкой статье направлено вынесенное в июле 2013 года Постановление Конституционного Суда по проверке конституционности статьи 237 УПК РФ, согласно которому эта статья признана неконституционной, а за судом закреплено право в целях обеспечения справедливого правосудия ухудшать положение подсудимого посредством возвращения уголовного дела прокурору для предъявления более тяжкого обвинения.³

Об этом говорит и статья 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой «...каждый, чьи права и свободы нарушены, должен иметь право на эффективные средства правовой защиты перед государственным органом даже в том случае, если такое нарушение совершено лицами,

³ Постановление Конституционного суда РФ от 2 июля 2013 г. №16-П.

действовавшими в официальном качестве».

Из сказанного следует единственно возможный вывод – институт объективной истины **не только не противоречит принципу презумпции невиновности, но делает её реально работающей, обеспечивая защиту интересов обвиняемого, а также права потерпевшего.**

Еще раз подчеркнем: законопроект об объективной истине направлен, прежде всего, на то, чтобы вернуть российскому судье высокую роль независимого вершителя правосудия, что позволит значительно повысить доверие наших граждан к судебной системе.

* * *

Но вернемся ещё раз к отечественной юриспруденции и вспомним, что во многих произведениях знаменитых российских юристов и судебных деятелей, особенно в трудах

Анатолия Федоровича Кони и Сергея Аркадьевича Андреевского, последовательно отстаивались институты правды и истины для правосудия.

Так, например, в очерке «Нравственные начала в уголовном процессе» Анатолий Фёдорович Кони справедливо заметил: «Судья, решая дело, никогда не имеет ни права, ни нравственного основания говорить: «Я так хочу». Он должен говорить: «Я не могу иначе». «Не могу», потому что и логика вещей, и внутреннее чувство, и житейская правда, и смысл закона твердо и неуклонно подсказывают мне мое решение, и против всякого другого заговорит моя совесть как судьи и человека».

Сергей Аркадьевич Андреевский (товарищ прокурора Петербургского окружного суда, а позднее - адвокат) отмечал: «В правде есть что-

то развязывающее руки, естественное и прекрасное. Если вы до нее доищетесь, то какой бы лабиринт нелепых взглядов и толкований ни опутывал дело, вы всегда будете чувствовать себя крепким и свободным. Если даже дело проиграется, то вы испытаете лишь нечто вроде ушиба от слепой материальной силы».

А прославленный российский юрист Фёдор Никифорович Плевако в одну из годовщин издания судебных уставов 1864 года справедливо отмечал, что уставы созданы не для карьеры судей и прокуроров, они – для водворения правды на Руси.

Сложившаяся в России система материального и процессуального права имеет глубокие исторические корни. Она создавалась эволюционным путем и, двигаясь постепенно от этапа судебной реформы середины 19 века, пройдя советский этап формирования права,

сформулировала определенные правовые постулаты.

Оглядываясь на 20 лет назад, представляется вполне очевидным, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации явился продуктом своего времени, ориентированным на прозападные стандарты, вступающие в противоречие с традиционным российским мировоззрением. Полагаем, что настала пора исправить существующее положение в направлении укрепления правового суверенитета отечественного уголовного судопроизводства, поставив во главу угла истину в качестве цели доказывания.

Должностные лица, олицетворяющие государственную власть (следственную, прокурорскую, судебную) обязаны принимать все меры к поиску истины по уголовному делу.

В этом и состоят смысл и назначение

уголовного судопроизводства, его нравственные начала.